

Елена Ленковская

Лето длиною в ночь

Историко-приключенческий
роман

Елена Ленковская

**Лето длиною в ночь. Историко-
приключенческий роман**

«Издательские решения»

Ленковская Е.

Лето длиною в ночь. Историко-приключенческий роман /
Е. Ленковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967893-5

Современные подростки Руся и Луша Раевские попадают в русское Средневековье. В основе сюжета — реальные исторические события: работа Андрея Рублёва над фресками Владимирского Успенского собора летом 1408 года, набег на Владимир ордынского царевича Талыча, прославленный в русских летописях подвиг иеромонаха Патрикеев. В руках главных героев книги — судьба чудотворной иконы Владимирской Божьей матери. Удастся ли уберечь святыню от исчезновения и вернуть её в прошлое?

ISBN 978-5-44-967893-5

© Ленковская Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Петербургские каникулы	6
Здравствуй, Тоня!	7
Наяда в шапке с козырьком	10
Нервных просим удалиться	12
Ассистент исчезает, ассистент возвращается...	15
Часть вторая. До того, как	17
Ночная гроза	18
Мистические пчёлы	20
Усы для проклятого итальянца	21
Часть третья. Глебово лето	25
Клязьма-река	26
Артель	30
В царстве красок	33
Отец Варсонофий теряет аппетит	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лето длиною в ночь

Историко-приключенческий роман

Елена Ленковская

© Елена Ленковская, 2019

ISBN 978-5-4496-7893-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Петербургские каникулы

Здравствуй, Тоня!

– Руся, смотри, смотри! – Луша настойчиво теребила его за плечо. – Прилетели! Уже Петербург видно!

Самолёт плавно кренился влево. Сквозь двойное стекло иллюминатора видно было ночное небо – огромное, густо-синее, с алой кромкой горизонта. Внизу, под самым крылом, блестя золотая россыпь огней. Город.

– Ух ты... – Руся очумело сунулся к иллюминатору, – ну подвинься тогда, ну Луша...

Но самолёт уже выровнял крен и теперь медленно клонился в противоположную сторону. Слегка разочарованный, Руслан откинулся на спинку кресла.

– Пристёгивай ремни, видишь, надпись уже загорелась... – Лукерья деловито щёлкнула замком ремня безопасности. – Ой, ты щёку отлежал! Она у тебя теперь – в рубчик!. – Смотри! – и Луша протянула брату маленькое зеркальце.

Откуда только оно взялось! В этом году сестра прям как фокусница стала – чуть что

– из воздуха зеркальце возникает...

– Отсидел, – усмехнулся Руся, взглянув на свою заspanную физиономию. На щеке, и правда, отпечатался шов джинсовой рубашки и полумесяц пуговицы. Руся мотнул головой, стряхивая как труху, остатки сна, и принялся растирать щёку ладонью.

– Отлежал!

– Отсидел.

– Отлежал!

– Я же сидя спал...

– Ты ж не на щеке сидел... на чём всегда... – хихикнула Луша, и ловко, одним движением, убрала откидной столик. Аккуратно сложила книжки в пакет, а потом в рюкзак, посмотрела на брата в упор:

– Эй, мама не велела нам спорить по пустякам...

– Мы не спорим, – сдаваясь, пробурчал Руська, – мы устанавливаем истину...

Он кое-как пригладил ладонями взлохмаченные вихры, в два глотка допил остатки минералки – прямо из горлышка.

Опустошив бутылку, Руся забарабанил пальцами по гулкому пластику. Марш звучал всё громче. Руслан постепенно вошёл в раж, и на сильную долю уже поочерёдно щёлкал бутылкой то по подлокотникам кресла, то по складному столику. По коленям, по собственному подбородку, по лбу...

Пожилая тётя справа покосилась на Русю неодобрительно.

– Вроде большой... – пробормотала она. Закрыла колпачком шариковую ручку, сняла очки и с хрустом принялась сворачивать толстенную газету с головоломками «судоку». – И как это люди детей одних самолётом летать отпускают... – донеслось до ребят сквозь шуршание.

Луша ткнула брата пальцем в бок. Он перестал барабанить, повернулся к сестре и скорчил уморительную рожу. Оба засмеялись.

Салон встряхнуло. Это шасси коснулись земли. Самолёт покатил по пустой полосе меж посадочных огней, подрагивая всем корпусом на стыках бетонных плит и постепенно замедляя бег.

– Приземлились, слава тебе Господи... – Бабуля достала из сумочки маленькую картонную иконку, на которой была изображена Богоматерь с младенцем, и глядя на неё, смешно зашевелила губами.

Руся сдавленно хрюкнул и отвернулся.

Соседка вздохнула, обиженно поджала губы и поспешно убрала иконку. Видно подумала, что он над ней смеётся...

Руся понимал, что вышло не очень красиво, но остановиться не мог... Смех так и распирал его изнутри. Ему всё казалось смешным – шмякнувшаяся в проход чья-то шапка, недовольные, похожие на мяуканье, крики проснувшегося младенца – где-то впереди, в первом ряду...

Спать вопреки маминым предсказаниям совсем не хотелось, напротив! Русю была весёлая дрожь, хотелось толкаться, гоготать, выкрикивать глупости.

Прилетели! Ура! Каникулы начинаются!!!

В узком проходе между креслами сустились пассажиры, доставая с полок вещи, шурша пакетами, натягивая куртки, запинаясь непослушными от долгого сидения ногами за сбившуюся ковровую дорожку.

– Мальчик, не ты уронил? – загорелый небритый дядька в огромных горных ботинках, весь полёт сидевший через проход напротив, указывал Русе куда-то под сиденье.

Альпинист, что ли, заинтересованно уставился на него Руська.

– Вон, под сиденьем, – повторил пассажир. – Осторожно, не наступи.

Руся нагнулся, полез под кресло. Карманный календарик, кажется... Иконка! Видно, бабулька впопыхах сунула мимо сумки... Руся выпрямился, озадаченно вертя карточку в руках.

– Не, не я уронил... – пробормотал он, краснея. – Тут тётенька сидела, это её иконка. Только она уже вышла...

– А-а, я думал, это ваша бабушка, – заметил дядька, задумчиво поскрёб рукой двухдневную щетину на щеке, поднялся с места и аккуратно достал сверху большой фоторюкзак.

Фотограф! Вот оно что. Как папа... Таких вот чёрных фоторюкзаков разного размера у них дома несколько, на все случаи папиной фотографической жизни. Руся сразу почувствовал к человеку в горных ботинках расположение. Тем более, что глаза у небритого были добрые. Весёлые и чуть насмешливые были глаза.

– Догонишь если соседку – отдай иконку-то, – сказал ему фотограф, протискиваясь к выходу. – Не догонишь – себе оставь. Зря ведь ничего не теряется. И не находится... – Удачи!

Руся кивнул, и торопливо засунул карточку в нагрудный карман рубашки.

У выхода из терминала Лушу и Русю Раевских встречала Тоня. В коротком тёмном бушлатике с поднятым воротником, в узких джинсах, без шапки, в платке, несколько раз – по модному – обмотанном вокруг шеи. Она улыбалась и держала в руках смешные разноцветные цветы, сплетённые из надувных шариков. Луша бросилась Тоне на грудь, прижалась щекой к влажному сукну, вдохнула знакомый аромат духов. Как будто и не прошло столько лет...

Руся рывком подтянул к себе за длинную ручку чемодан на колёсиках и остановился в нерешительности...

– Руся, ну иди же скорее! – подзывала брата Лукерья.

«Как вырос-то!» – думала Тоня, с улыбкой разглядывая довольно высокого, худощавого, немного нескладного подростка, и похожего, и совсем не похожего на кареглазого щекастого малыша, каким она хорошо его помнила. Ладный, плечи широкие стали, скулы обозначились, лицо повзрослело. Красивый парень – девчонки постарше так и оборачиваются, но ему пока, видно, всё равно...

И всё те же карие глазищи, глубокие и немного грустные. У Лушки такие же, только взгляд веселее, из её глаз озорные искры обычно так и брызжут во все стороны.

– Луша, а ты-то, ты какая стала! Красавица ты моя! – И Руся... Как же ты вымахал, Руслан, выше моего Глеба. Он тоже шестиклассник. – Вы с ним почти ровесники, несколько месяцев разницы всего-то...

– Я старше? – поднял тёмную бровь Руслан, как будто пара месяцев имела значение...

– Нет, он...

– А где он, Глеб-то? Ты его дома оставила?

Тоня улыбнулась... Ей было приятно, что Луша, ничуть не смущаясь, обращается к ней на ты. Как раньше, когда близнецы были совсем маленькими. Руся – тот, видно, слегка засомневался поначалу... Ничего, привыкнут...

– Глеб в училище, – ответила Тоня. – Завтра ведь ещё учебный день! Точнее уже сегодня... – заметила она, взглянув на часы. – Каникулы же ещё не начались...

– А мы – пораньше! – похвасталась Луша, привычным движением заправляя за ухо волнистую русую прядку. – Даже дневники не получили с отметками. Так и уехали, не знаем вышла или не вышла у Руськи четвёрка по ИЗО.

– У Руськи? По ИЗО??? Ну вы там совсем в своём Екатеринбурге без меня от рук отбились...

– Во-от, мама сказала, что ей стыдно за нас перед тобой. Тоня же искусствовед, тыдыды, что она скажет...

– Ладно, потом разберёмся... – добродушно усмехнувшись, Тоня решительно взяла у Луши один из пакетов потяжелее, и, отбиваясь от таксистов, повела близнецов к стоянке автобусов и маршруток.

– Лукерья, ну что ты трещишь без умолку, – недовольно процедил Руслан, поравнявшись с сестрой. – Делать тебе нечего, про мои тройки рассказывать. – Хоть бы что-нибудь дельное спросила!

– Я спросила, где Глеб, между прочим...

Руся кашлянул, постучал легонько надувным цветком по плечу Тоню, идущую чуть впереди, и когда она обернулась, задал гораздо более важный, на его взгляд, вопрос:

– Тоня, а у тебя Глебово фото с собой есть? Ну, в телефоне, например?

– Конечно! – охотно ответила Тоня. Она тут же остановилась, достала мобильник, легко провела большим пальцем по сенсорному экрану. – Вот, смотрите, – голос её слегка дрогнул, – это – мой Глеб.

Луша оценивающе прищурилась.

На экране возникла физиономия мальчишки в нахимовской шинели. Он хохотал, запрокинув голову. Белое кашне сбилось на сторону, форменная чёрная шапка-ушанка с кокардой – на затылке...

– Весёлый! – разулыбалась Луша.

Ей явно пришёлся по вкусу круглолицый сероглазый подросток – с ямочками на щеках, со слегка оттопыренными ушами, с тёмными, загибающимися сверху ресницами.

Руся ничего не сказал, но хмыкнул одобрительно.

Тоня, сияя, спрятала телефон в карман, поправила сумку, висящую на плече и повернулась к выходу. Раевские, удовлетворённо переглянувшись, синхронно подхватили свои вещи и двинули вслед за ней.

Стеклянные двери автоматически раздвинулись. Держась за руки, близнецы вышагнули из тёплого здания аэропорта в чёрную бездонную ночь. Сверкали рекламные огни. Прохладный, непривычно влажный воздух был наполнен запахами бензина, мокрого асфальта, табачного дыма, оранжерейных цветов и ещё чего-то незнакомого... Наверное, это ощущалось дыхание пока не замёрзшей, как на далёком Урале, ещё не покрытой снегом здешней земли...

Наяда в шапке с козырьком

– Осторожнее, не испачкайтесь! На лестнице ремонт... – протискиваясь между перилами и заляпанными известью дощатыми козлами, объявила Тоня.

Впрочем, можно было и не объявлять. Луша и так будет аккуратна. А Руся – вон, уже рукав весь белый... Этот через секунду забудет о таких мелочах, особенно если вознамерится побегать по лестнице наперегонки с лифтом.

«Какие всё-таки они разные. Только внешне похожи как две капли воды. Впрочем, и это только на первый взгляд...» – Тоня-то их прекрасно отличала даже тогда, когда они ещё ползали по дому в одинаковых подгузниках. Характер не спрячешь...

В квартире на Итальянской, наконец, стало шумно. Тоню радовали гости...

– Ух ты, какая огромная квартирища! – восхищённо протянула Луша, оглядывая высокий шкаф в прихожей с гипсовыми и бронзовыми головами, пылящимися наверху, – наследство, доставшееся нынешним хозяевам от деда-скульптора.

Тут же, рядом с рогатой старинной вешалкой для пальто, стояла на табуретке бронзовая девица, изначально совершенно обнажённая, но обвешанная Тониным цветастым платком и какой-то шалью с кистями. То ли для красоты, то ли чтоб не замёрзла...

– Тоня, кто это?

– Наяда¹... Ну, или нимфа. Она дочь Зевса, вообще-то, – улыбнулась Тоня, – но с тех пор, как я стала иногда вешать на неё мой белый «лабораторный» халат, я зову её Селитру Ивановна.

Руся хихикнул, и немедленно нахлобучил на Селитру Ивановну свою трикотажную шапку с козырьком. Шапка спустилась нимфе на самые брови.

– Смотри, Лу, теперь у неё модный прикид.

Луша улыбнулась. Осторожно потрогав пальцем отполированный множеством прикосновений нос Селитры Ивановны, спросила Тоню:

– Ты всегда тут живёшь?

– Да нет. Вообще-то я на Васильевском живу. Комната у меня там своя. А здесь – моя сокурсница жила. У неё муж – дирижёр. Его позвали... ну, словом, в Европу пригласили, оркестром руководить. Квартиру хозяева продавать будут. Попросили пожить – пока. Вот живу, цветы поливаю, покупателей впускаю, которых агентство присылает. Пыль с наяды сдуваю... Ну и до работы мне отсюда удобнее добираться...

Тоня вздохнула. Если честно, одной ей было не слишком уютно в огромной пустой квартире со скрипучим паркетом и жутковато рычащей водогрейной колонкой в ванной. И гости. Гости, так любившие набиваться в комнатку на Васильевском, сюда почему-то не шли...

Весело здесь становилось только в выходные: при полном параде, сияющий, довольный, что наконец наступила очередная суббота, из училища являлся Глеб.

Пока Луша с Русей пили на кухне молоко с печеньем, Тоня постелила им на широченном диване в гостиной.

Через пять минут, умывшись и вычистив зубы, они уже сидели в пижамах друг напротив друга, поджав ноги по-турецки, и о чём-то негромко разговаривали.

– Укладывайтесь поскорее, – Тоня, заглянувшая пожелать близнецам спокойной ночи, взялась за выключатель.

¹ Наяда – в греческой мифологии дочери Зевса, были нимфами рек, ручьёв и озёр.

– Тоня, ты хоть Расскажи нам про Глеба-то, – блеснув глазами и натягивая одеяло до подбородка, попросила Луша, – Как это он у тебя появился? У тебя же раньше никакого Глеба не было...

– Не было, – подтвердила Тоня. – А потом взял да и появился... – Она задумалась, одной рукой придерживая ворот халатика, другой рассеянно поправляя волосы. – Я его в Заполярье нашла. Я ж там три года проработала...

Ребята молча ждали продолжения рассказа. Но Тоня, словно опомнившись, тряхнула головой, бросила озабоченный взгляд на часы, и снова взялась за выключатель:

– Завтра вы его увидите своими глазами. Он сам вам всё расскажет, если захочет. – А теперь – спать, и немедленно. Бона ноттэ! Спокойной ночи!

Нервных просим удалиться

Колокольный перезвон на лестничной площадке четвёртого этажа не утихает – дверной звонок в квартире на Итальянской то и дело возвещает о приходе очередного гостя.

В честь начала каникул и приезда близнецов здесь устроена грандиозная вечеринка! Оживлённые голоса, звон посуды, звуки рояля, восклицания, какие-то хлопки, визг, хохот и даже лай. Из кухни плывут ароматы ванили, имбиря, яблочного пирога с корицей, а из импровизированной гримёрной, устроенной в кабинете, доносятся пронзительные запахи лака для волос и акриловой краски.

Огромная старая квартира преобразилась, даже тёмный рассохшийся паркет не скрипит, а весело поёт. На радостную и слегка бестолковую кутерьму с высоких шкафов в прихожей благосклонно смотрят гипсовые головы. На полочке у зеркала красуется принесённая кем-то из гостей тыква, с уже вырезанными глазами, бесшабашной ухмылкой и зажжённой свечкой внутри. Бронзовая наядка, стоящая на табуретке в углу коридора, превратилась в модный манекен, завешанная шарфами, платками и детскими куртками – на старинной рогатой вешалке не хватает места...

Народу много – приглашены Тонины многочисленные друзья, их дети, даже их собаки!.. Гости суетятся, охорашиваются перед зеркалом, а прибывшие без маскарадных костюмов отправляются в «гримёрку» – подобрать себе что-нибудь эдакое.

Из гостиной на кухню и обратно снует Глеб Рублёв. Просто не человек – челнок какой-то, думает Луша. В самом деле, только что был здесь, оглянешься – нет на месте.

А как же грим! Мы ведь не закончили, вообще-то...

Вот он, снова здесь, при полном параде, в костюме Пьеро, тащит в гостиную табуретки. Рублёв всегда – на подхвате. Такой уж характер.

На нём чёрный плащ из старой подкладочной ткани, и чёрный, наспех склеенный из картона высокий круглый цилиндр. Лицо покрыто густым слоем белил, так что особенно заметны огромные серые Глебовы глаза и тёмные, густые, загнутые кверху ресницы. На щеке – нарисованная слеза. Это Лукерья постаралась, охотно взяв на себя обязанности гримёра.

...Сестру хлебом не корми, дай кого-нибудь накрасить!

Себя Раевский разрисовал сам. Круто получилось. Зелёный гоблин! Лицо, шея и кисти рук покрыты густым слоем театральных белил пополам с обычной зелёной гуашью. Тоня про гуашь пока не в курсе... А про лак для волос – знает. Пол флакона на голову ушло. Зато волосы – торчком!

...Лушка – тоже хороша. Русалка! Парик, потрёпанное жизнью боа из настоящих страусовых перьев и серебристая юбка до пола. На длинном, волочащемся по полу подоле-хвосте пришита блестящая бахрама. Ходить страсть как не удобно, и с ногами на диван не заберёшься, зато – феерично!

Наконец, все-все в сборе. Публика, шурша самодельными нарядами, рассаживается в гостиной. Близнецы сияют. Давненько в их жизни не случилось подобного. Втиснувшись вдвоём в широкое кожаное кресло, Раевские в весёлом нетерпении подпихивают друг друга локтями. Народ помладше, не теряя времени, устраивает на диване жизнерадостную возню.

Тише! Представление начинается!

– Индийский факир! Фокусы и смертельный номер в самом конце! – объявляет Тоня, облачённая в импровизированную «индийскую» хламиду. На лбу у неё фломастером нарисована жирная красная точка.

– Где же мой ассистент? – Тоня высматривает кого-то в толпе гостей. – Да где же он?

Смятение. На её лице – смятение. Но только на миг.

– Глеб, вот ты где! – восклицает Тоня с видимым облегчением. – Иди, будешь ассистировать!

Глеб выходит на середину комнаты, кланяется важно. Роль ассистента ему явно по душе. Ещё бы! Руслан тоже был бы не прочь поучаствовать в «смертельном» номере!

«Тоня, она – классная! – Раевский вздыхает. – Рублёв – везунчик, что теперь всегда с нею рядом, а они-то с Лушкой – эх, далеко...»

Когда Руся с Лушкой были маленькими, они всегда так ждали её прихода! Но Тоня переехала, и теперь видятся они редко. Так редко, что в этот раз Руська какое-то время стеснялся называть её не по имени-отчеству, а просто Тоней.

Правда, уже через пару часов, проведённых вместе, они снова перешли на ты, и всё встало на свои места.

Досадно другое – им нельзя теперь Тоне многое про себя рассказывать! А – хочется...

Про клуб хронодайверов, например. Они ведь с Лушей теперь умеют нырять в прошлое, а Тоня об этом даже и не догадывается!

Конечно, они с сестрой пока всего лишь нырки. Так хронодайверы называют детей, у которых есть способности к погружениям в прошлое, но пока мало опыта и мастерства. Но всё-таки и Русе, и Луше уже кое-что довелось повидать в Истории...

А Тоня даже не подозревает, что «её дорогие Раевские» аж в 1812-году побывали. И Наполеона видели, и с Михайло Ларионом знакомы... Кутузовым, ага!

В другой раз, в 1805-м, Руся плавал по Атлантике и Тихому океану с экспедицией Крузенштерна. А Лушка – вместе с капитаном Беллинсгаузеном – Антарктиду искала... Нашли ведь они Антарктиду! Сестра – живой свидетель, была она там, на шлюпе «Восток», в 1820-м году.

Эх, столько всего произошло интересного! Вот бы Тоня удивилась...

С нею можно было бы посоветоваться о самых разных важных вещах. Наш она человек – Антонина Ковалёва!

Но – нельзя. Хронодайверы не должны выдавать свои хронодайверские секреты...

В гостиной тем временем звучат нетерпеливые аплодисменты.

Глеб уже сел на специально приготовленный стул, спиной к зрителям. Тоня несколько раз взмахивает большим цветастым покрывалом и накрывает им Глеба – вместе со стулом. И с головой.

Та-ак. Руся заинтригован. Глебова голова под покрывалом кажется непропорционально большой... А! Так вот оно что!

Руся уже обо всём догадался.

Ну-ну, не зря сегодня с утра на кухонном подоконнике огромный капустный кочан красовался. И Тоня салат из него резать не велела.

– Ой, самое главное забыли! – вдруг спохватывается «факир». – Луша, детка, принеси с кухни большой нож! Самый большой!

В гостиную прибывает внушительных размеров нож – с острым лезвием из блестящей нержавеющей стали.

Нож производит впечатление. Смех в рядах зрителей затихает, уступая место нетерпеливому, напряжённому ожиданию.

Что-то будет?

Луша втискивается обратно в кресло. Под мышкой у неё прихваченные с кухни китайские деревянные палочки для суши.

– Нервных просим удалиться! – объявляет «факир».

Луша бьёт палочками по деревянному подлокотнику кожаного кресла. По комнате горохом рассыпается устрашающе-трескучая дробь.

«Факир» с каменным лицом резко вкидывает руку. Над Глебовой головой, скрытой покрывалом, вспыхивает стальной клинок.

Все ахают. Луша, ойкнув, замирает с палочками в руке, забыв барабанить...

Мгновение, и в полной тишине раздаётся оглушительный хруст: широкое, отлично заточенное лезвие застревает в голове ассистента.

Ассистент исчезает, ассистент возвращается...

Руся, признаться, тоже слегка вздрогнул, когда в якобы Глебову голову воткнулось с размаху сверкающая сталь.

Ну да, все – ахнули.

Но чтобы – как его сестрица – заорать от испуга? Девчонки, они вечно паникуют... Ведь заранее же ясно, что это трюк!

– Ты чего, это же фокус! Лу, тебе воды не принести?

Луша только сконфуженно улыбается, неопределённо мотнув головой.

Тем временем Тоня демонстрирует публике платок, прорезанный ножом. Мол, всё по-настоящему...

– Маэстро, предъявите ассистента! – наконец, требует кто-то из взрослых зрителей.

– Эй, Глеб, голову покажи! – кричат дети.

Тоня отступает на шаг в сторону.

Все глядят на тёмного дерева венский стул, повёрнутый к зрителям гнутой спинкой. «Прекрасного юноши» там нет и в помине.

Под высокий потолок гостиной взлетает дружный вздох удивления. Гости хлопают. Они-то полагают, что так всё и было задумано с самого начала, и никто не замечает, как вдруг бледнеет Тоня.

А под смятым, наполовину сползшим на паркет цветастым покрывалом... капуста!

Вот оно что! Всем не терпится получше рассмотреть глубокий след, оставленный в капустном вилке острым ножом «факира». Увесистый плотный кочан передают из рук в руки, потом с хохотом и визгом роняют на пол. Капуста, шмякнувшись об паркет, тяжело и лениво перекатывается в угол, к диванной ножке.

Её ловко, по-футбольному, перехватывает мальчишеская нога в спущенном чёрном носке.

– Глеб? Ты здесь? Уф-ф, – Антонина облегчённо выдыхает. – Прямо человек-невидимка... – Ты меня напугал! – Куда ты *опять* подевался?

– Никуда... – Он уже поднял капусту и держит её под мышкой, как мяч. – Да здесь я, здесь... – Ясные серые глаза, невинный взмах густых тёмных ресниц...

Антонина морщится. Этот взгляд, приводящий в умиление всех без исключения взрослых, последнее время её слегка раздражает. Глеб пользуется им, чтоб добиться расположения. Или – когда нужно слегка приврать для пользы дела.

Теперь, видимо, как раз такой случай.

Вид у парня какой-то слегка шальной. Где он болтался? Во дворе? На лестнице у лифта? Его не было минут пять, от силы десять.

Или был? И эти исчезновения ей просто примерещились?

Впрочем, и без сегодняшних исчезновений в их жизни последнее время странностей было хоть отбавляй...

Нужно остановиться, сделать паузу, наконец-то во всём этом разобраться, но... Её тут же окликают, зовут, тянут на кухню – она хозяйка вечера, и пора организовать чаепитие для многочисленных шумных гостей.

Поздно вечером Тоня – как обычно, перед сном – заглядывает в комнату к близнецам.

– Тонь, поболтаем?

– Ох, нет, – устало вздыхает она, – не сегодня...

Потом спрашивает как бы между прочим:

– А где Глеб-то опять? Я думала, он у вас засиделся. Постель пустая...

– Нет, он к нам не приходил. Да в туалете поди застрял... – как можно беспечней предполагает Руслан.

– Так там свет не горит... – Тоня кусает губы.

Близнецы украдкой переглядываются.

Ко всеобщему облегчению, слышны шаги. Это Глеб. Уже облачённый в пижаму он появляется в дверном проёме.

– Где ты бродишь? – вскидывается Тоня. – Спать пора!

– Спокойной ночи зашёл пожелать, – удивлённо тянет он, и тут же удаляется, обиженно шаркая тапками.

Тоня гасит свет и тоже уходит.

– Носом чую, нырок он... – шепчет Руся на ухе сестре. – Озоном пахло сегодня! Ну ведь пахло же!

– Не знаю, не заметила.

– Да потому что насморк у тебя! А Рублёва – спросить надо было напрямую...

– С ума сошёл, напрямую! – возмущается Луша. – Надо к новому человеку хотя бы приглядеться.

– Да ты-то уже всю присматриваешься...

Пауза. Лукерья чувствует, что у нее горят уши. К счастью, свет в комнате уже погашен.

– О чём это ты?

Руся противно хихикает, за что тут же получает подушкой в лицо.

– Ладно-ладно, уж пошутить нельзя.

– Нельзя! И вот так, с бухты-барахты приставать к человеку с подозрениями в хронодайвинге тоже нельзя! А если он не нырок никакой? Он нас за идиотов примет!

– Ну, ты из-за этого больше меня расстроишься, ясное дело, – хмыкает Руся, милостиво возвращая сестре подушку.

– Давай всё-таки подождём. Хотя мне самой кажется, что даже... Даже Тоня что-то подозревает...

Тоню действительно мучают самые невероятные подозрения. С некоторых пор вокруг творится много необъяснимого, и все эти странности напрямую связаны с Глебом.

Возможно, у неё слишком живое воображение. Даже наверняка. И кое-что она себе просто напридумывала...

Но то, что произошло однажды ночью здесь, на Итальянской, ни в какие привычные рамки всё равно не укладывается!

Случилось это не так давно, всего недели за две до приезда её дорогих близнецов...

Часть вторая. До того, как

Ночная гроза

...Ей снился прогулочный аэростат – давняя мечта...

На нём улетали близкие. Друзья, их дети.

Глеб – среди них. Пока не в шинели, и не в нахимовской фланке с матросским воротником, – в белом пуловере, с длинными, волнистыми, ещё не остриженными по форме волосами... Счастливый, взволнованный, в компании таких же счастливых, взволнованных людей.

А она... Она почему-то должна была остаться – здесь, на земле...

Как же все они красивы! – Будто модели с обложки модного западного журнала конца 60-х! – Ветер, треплющий пряди стильных стрижек и концы шёлковых шарфов, ослепительные улыбки, солнцезащитные очки, приподнятые на лоб... Почти монохромная картинка – резкая, чёткая, как на отменного качества чёрно-белом фото. Однако и без цвета ясно, что позади – лазурный, благодатный простор южного итальянского неба.

...Тугой шар гудит, слегка вздрагивает на ветру. Друзья стоят у борта праздничной толпой, улыбаются и машут, машут картинно, и музыка звучит – будто в фильме Федерико Феллини.

И она – провожающая в толпе зевак – улыбается, вглядываясь в красивые и такие родные лица, и тоже машет им в ответ, в такт музыке, словно включаясь в эту красивую игру в кино.

Они что-то кричат по-итальянски. И музыка, музыка...

А потом...

А потом шар вспыхивает и в одно мгновение превращается в чёрный обугленный силуэт на фоне пересвеченного, пустого, белёсого неба.

Под стон толпы он падает, падает, падает... бесконечно долго.

И она понимает – это конец.

Этот сон приснился ей ровно две недели назад. Той самой ночью...

Тоня проснулась от собственного крика.

Села в кровати, переводя сбившееся дыхание.

Холодный свет луны, проникающий сквозь неплотно задёрнутые портьеры. Часы на стене: круглый бликующий циферблат. Начало четвёртого... Не тикают... Остановились, что ли?

Она откинула волосы с покрытого испариной лба.

Дурочка, это всего лишь сон – успокойся. Но страх не отступал, просто спрятался где-то под ложечкой, свернулся в тугой комок.

Пусть это был всего лишь сон, но этот сон имел отношение к Глебу, к её мыслям о нём, и ко всему тому, что последнее время происходило между ними. Это был всего лишь сон, и всё же над ним стоило хорошенько поразмыслить.

«Ох, только не теперь. Завтра», – решила она, откидываясь на смятую подушку и прикрывая глаза...

Вдруг ей показалось, будто бы Глеб не спит, а тихо всхлипывает за стенкой. Тревожные мысли вновь всколыхнулись, закрубились – словно чернила, взболтанные в стакане с водой.

Она прислушалась. Нет, в доме было тихо. Даже как-то чересчур тихо...

Пожалуй, всё же следовало заглянуть к нему и выпить воды. Она накинула халат, нашла босыми ногами тапки. Пошла, тихо ступая, вздрагивая от каждого стука и чувствуя, как помимо её воли растёт и ширится внутри необъяснимая тревога.

Скрипнула высокая дверь, клинком блеснул в лунном свете старинный латунный шпингалет.

С огромного шкафа в прихожей, высовываясь меж обувными и шляпными коробками, подозрительно смотрели вниз тёмные бронзовые бюсты. Ночью вид у этих голов был таинственный и даже страшноватый...

В углу, у самых дверей что-то зашелестело, оборвалось со зловещим шорохом, стукнулось об пол. Тоня ахнула испуганно.

– Фу-у... – На полу валялись сумочка и шаль, соскользнувшие с плеча бронзовой статуи, стоявшей в прихожей на табурете. – В холодном голубоватом свете телефонного фонарика чуть курносое лицо бронзовой наяды казалось загадочным. Каким-то чужим, нездешним...

«Всё, хватит пугаться, что я как маленькая! Надо взять себя в руки».

Тоня прошла по коридору, стараясь не скрипеть разошедшимся паркетом, тихонько заглянула в комнату, где спал Глеб. Постель была пуста, смятое одеяло откинута на сторону.

Он в туалете?.. Из-за приоткрытой в ванную комнату двери была видна тонкая полоска света. Оглушительно взревела колонка.

Спокойно. Это всего навсего водогрейная колонка, обычное дело. Она здесь такая. Всегда рычит...

Рёв и гудение почти тотчас прекратились, слышен был только шум воды, текущей из крана.

Тоня подождала ещё немного, прислушиваясь. Толкнула дверь. В ванной было пусто. Из незакрытого крана хлестала вода, на полу валялись флаконы, обычно аккуратно стоящие прямо на полочке умывальника.

Пахло свежестью, как во время летней грозы.

Верно какой-то шампунь вытек... Тоня наклонилась на лужицей, дотронулась пальцем, поднесла к лицу... Нет, не то...

В воздухе ванной комнаты торжествовал, заполнив её целиком, совсем иной запах – будоражащий воображение, электризующий пространство запах озона.

Тоня выпрямилась, поспешно завернула вентиль. Шум льющейся воды прекратился. Толстым ватным одеялом навалилась тишина.

– Да что здесь такое творится?!

Вдруг разом – ударило, раскатисто гроыхнуло, словно гром небесный. Это – там, в глубине квартиры – с чудовищным грохотом упала крышка беxштейновского рояля. Охнули, долгим эхом застонали струны...

Мистические пчёлы

Антонина кинулась вон из ванной, оскальзываясь на мокром кафеле и больно ударившись большим пальцем ноги о высокий порожек. Пронеслась по длинному коридору, влетела в комнату – ту, где стоял рояль.

В нос опять ударил сильный запах озона. Точь-в-точь как в ванной, только гораздо мощнее, пронзительнее. Даже глаза зашипало...

Глеб был здесь. Он прятался под роялем, делая странные движения руками, словно отмахиваясь от кого-то... И плакал, плакал навзрыд.

Тоня бросилась к нему, опустилась на колени, схватила за плечи, пытаясь понять, что происходит. Он отворачивался, рыдая.

Наконец, ей удалось повернуть к себе его лицо. Что-то оборвалось у неё внутри, стало трудно дышать: в лунном свете лицо Глеба показалось ей страшным, белым блином, глаз на нём почти не было видно...

– Господи, да что же это?

Она дёрнула за нитку торшера. Ярко вспыхнула лампа. Глеб, всхлипывая, закрылся рукой, наклонил голову.

– Что это? Что? – Что случилось?

– П-п-пчёлы... – заикаясь, выдавил он. Зарёванный, отёкший, с заплывшими глазами... – На... на... наверное, п-пчёлы...

Действительно, мальчик выглядел так, будто его покусал по меньшей мере целый рой... Оставив на потом вопросы о том, откуда в начале октября в городской квартире могли появиться пчёлы, да ещё в таком количестве, и куда потом бесследно исчезли, Тоня среди ночи стала звонить бывшему ухажёру – педиатру.

Тот, совершенно ошарашенный от столь позднего звонка, хриплым со сна голосом принялся давать советы.

Объяснить, откуда взялись «пчёлы-невидимки», Глеб тоже оказался не в состоянии... Точнее, ту невообразимую историю, что он рассказал ей, Тоня списала на нервное потрясение, болевой шок и ещё бог знает на что. Потому что в здравом уме человек двенадцати с половиной лет такое на полном серьёзе рассказывать бы не стал... Какой лес, какая земляника? В октябре-то месяце! Ну ладно бы клюква...

Весь остаток ночи она просидела у его постели, меняя компрессы...

Усы для проклятого итальянца

Две недели назад это случилось.

Накануне всех этих невероятных происшествий спать он лёг довольно рано. Настроение нулевое было. А лучший способ победить хандру – просто заснуть. Он ещё в детдоме научился так грусть отгонять. Когда спишь, время летит незаметно. Хоп – и утро уже. А там – другой день, другие заботы...

И потом, сны ему обычно снились цветные, интересные. Когда он Тоне про них рассказывал, она восхищалась – ну надо же, хоть записывай и кино снимай.

Словом, лёг спать, да и всё тут.

А Тоня села кино смотреть на ноутбуке – его не позвала. Скачала какой-то триллер мистический... Не потому не позвала, что триллер и страшно, просто – это опера была. Пели там вместо разговоров. Да ещё на английском. Ясно, Глебу не сильно бы понравилось.

Может, в другой раз он и заинтересовался бы. Триллер всё-таки! Просто перед тем расстроился сильно. Было отчего.

Не первый раз он думал об этом...

С недавних пор Глеб вдруг понял – Тоню, которую уже привык считать своей, можно и потерять.

Тем более, что опекунство оформить до сих пор так и не удалось. Где-то там документы его застряли. Потерялись, что ли. Он до конца не разобрался, только получалось – пока документов нет, Тоня ему вроде как – чужая тётка. Хотя какая она чужая. Он так и написал на своей страничке «ВКонтакте»: мать – Антонина Ковалёва. Кто-то против??? То-то же...

Первый раз он испугался, по-настоящему испугался, ещё в каникулы. Она ему сообщила, что если получится – поедет летом в Италию, хотя до того собиралась провести июль в Питере. И он-то, ясное дело, рассчитывал коротать вечера не в огромной пустой казарме Нахимовского училища. Он у Тони собирался ночевать. В её комнатке на Васильевском острове – тогда Антонина ещё временно не переехала в эту огромную квартиру на Итальянской...

Глеб любил ночевать у Тони. Спать на кровати-чердаке (классная штукавина, Антонина специально для него в Икее купила). Болтать с Тоней о разном любил. Любил с её друзьями чай пить.

Правда, однажды, ещё в самом начале, он из-за этого чая понервничал изрядно.

Гости пришли, Тоня поручила заварить, а Глеб... Чуть не сплеховал! Сказал ей – умею конечно, это я мигом... А сам – первый раз... Не, заварил всё как надо. Согрел чайник, потом заварка, потом вода. Вот только... Попробовал, а чай – не сладкий! А в детдоме чай всегда сладкий был. Его там из большого бачка половником по стаканам разливали...

Сейчас смешно, а тогда прям живот заболел от того, что дураком себя выставил, чай как следует заварить не смог. Потом поглядел – все пьют, и никто не удивляется, что не сладко. Только некоторые гости сахар ложечкой из сахарницы к себе в чашку добавляют. Ну, тут и до него дошло...

А вообще у Тони всегда было шумно, весело. Конфет, опять же, полно. Правда, Тоня много не давала, следила – чтоб не облопался. Да не конфетах дело. Интересно было. А главное – к нему здесь обращались... ну, как равному, что ли. Приятно ведь, когда интересуются твоим мнением, и не дают понять, что ты мал, не дорос, что не твоего ума дело...

Впрочем, тогда, летом – что-то не получилось у неё с поездкой. И Глеб благополучно забыл об этом. Но вчера, как выяснилось, своих намерений посетить Италию Тоня ни на секунду не оставляла!

Началось всё со звонка.

Нет, не так.

Началось с разговора о Рублёве. Ну, не о нём, Глебе Рублёве, воспитаннике Нахимовского училища. Говорили о его, Глеба, великом однофамильце.

На уроке истории Глеб вдруг выяснил, что был такой иконописец – Андрей Рублёв. Иконы писал, храмы расписывал. Иконы его до наших дней сохранились – не все конечно, только некоторые. И прям ценные они необычайно, оказывается.

Вот Глеб и решил Тоню поподробнее расспросить – искусствовед она, или нет, в конце-то концов. А то вдруг Рублёв этот ему, Глебу, родственник... Всякому хочется родственников хороших иметь. Особенно когда у тебя их – кот наплакал. А знаменитых – особенно.

Тоня страсть как обрадовалась. Её хлебом не корми, дай об искусстве поговорить.

Глеб, конечно, всегда был не прочь вместо музея в футбол погонять – во дворе дома, с ребятами. Но – ничего, привык постепенно по выставкам с Тоней ходить. Без нытья. Без жалоб на уставшие ноги...

Словом, тем самым вечером Тоня толстый альбом по древнерусской живописи с полки достала. Давай рассказывать, репродукции показывать. «Троицу», то да сё... Объясняла, почему раньше так странно рисовали, что все предметы будто навыворот, что-ли. Не так, как теперь принято. Обратная перспектива называется. Ну это ладно. Глеб-то больше Богоматерью с младенцем заинтересовался.

Тоня всё хотела, чтобы он новые слова запоминал. Всё про одежду почему-то... Он и запомнил – мафорий, ну так накидка с капюшоном называется, что ли, и этот, как его... гиматий – синий такой...

Потом ещё что-то велела запомнить, но это уж забылось. Голова-то не резиновая... Не, Тоня вообще-то всегда очень интересно рассказывала. И картины – вот на удивление просто – словно оживали, когда она говорила о них! И Глеб обычно старался запомнить всякие слова мудрёные, чтоб сделать ей приятное. Ну и в училище на уроках можно было блеснуть иной раз...

Но в этот раз запоминать особо не хотелось. Как-то не до того стало. Он просто увидел, как она, Богоматерь, обнимает младенца и замолчал. Все мамы так и делают, ясное дело... Ну, обнимают они своих детей, любят... Только не все при этом плачут. А у этой глаза были полны слёз...

Он вздохнул. Маленький и какой-то нескладный, длиннорукий Иисус обнимал Богородицу – и она его обнимала, любила, и ей, видать, было совсем неважно, что он такой нескладный, и грустила она не об этом, конечно, совсем о другом...

Захотелось... ну так же захотелось...

Обниматься Глеб, конечно, не полез. Не маленький уже... А к плечу Тониному – да, привалился. Ну так, слегка...

Тоня почувствовала, что Глеб притиснулся к ней правым боком. Обняла его одной рукой, другой взъерошила коротенькую, по форме остриженную чёлку.

А потом звонок – мама позвонила. Тоня чуть отстранилась, чтобы вытащить мобильник из заднего кармана джинсов. Со вздохом встала, прижав трубку к уху, подошла к окну. Начался трудный разговор... Тоня уныло и неохотно объясняла маме, что не собирается замуж за Каштанова Колю. И никогда не собиралась! Мама похоже, была разочарована, потому что этот роковой разговор длился очень долго. Гораздо дольше обычного...

Всё было хорошо, и тут – звонок. Уже по мелодии звонка Глеб догадался, что Тоне звонят из дома.

Альбом пришлось отложить, потому что разговор, видимо, намечался долгий.

Тоне этот разговор был явно не по душе. Она вообще нервничала – переминалась с ноги на ногу, потирала средним пальцем бровь...

Да, да, тоскливо соглашалась Тоня в трубку, Коля, безусловно, хороший человек. Но она, Антонина, никуда с ним не поедет. Ну и что, что приглашал. Она предпочитает ему компанию... м-м-м... Да кого угодно! Вот хотя бы – Франчески...

Глеб никогда к Тониным разговорам по телефону особо не прислушивался, но тут, услышав итальянское имя, уши-то наострил!

За Тоней, ясное дело, ухаживали какие-то друзья – то актёры, то художники. Ну да, ухаживали, она же красивая. И весёлая. И вообще...

Ухажёры и таскали ей то книжки, то билеты в театр или на концерт, то шоколадки...

Глеб, любивший сладкое, но не любивший думать, во что могут вылиться для него все эти ухаживания (да по-любому ни во что хорошее), поёдал шоколад, и раз от раза не без мрачного удовлетворения убеждался, что Тоня не отвечает им особой взаимностью. Не, он конечно желал ей счастья, да только... Ну неважно, что – «только»...

Этот Коля Каштанов тоже дарил Тоне цветы и конфеты. Очередной букет Тоня обычно ставила в вазу, а конфеты, как водится, лопал Глеб. Ну а что. Тоня – не ела, фигуру берегла...

У Коли, ясно, с самого начала не было никаких шансов. Но сейчас Глеб даже обиделся за него. Не за себя, вот ещё! За Каштанова, конечно... Променять Колю на какого-то зализанного Франческо!

Почему этот Франческо должен быть зализанным? Да кто его знает. Глеб его и не видел никогда. Просто представил себе надутого лощёного клерка в мерзкой розовой рубашке с сиреневым галстуком. Вроде того дядьки с обложки затрёпанного каталога «Отто», что валялся рядом на тумбочке. Глеб дядьку этого тут же возненавидел, вместе с его дурацкой рубашкой. Да так, что не удержался, зачеркал слащавое лицо фломастером. Чёрным.

– Глеб, твоё художество?

Она обнаружила «рисунок» сразу же, как только закончила долгий телефонный разговор с мамой. Впрочем, Глеб его и не прятал. Нарочно на видном месте оставил. Похоже, из чистой вредности.

– Ну что за детство? Тебе тринадцатый год, а ты всё усы пририсовываешь... Вон, свои скоро расти начнут!!!

Она расстроилась. Глеб, похоже, даже не ожидал, что она расстроится так сильно. Но извиниться даже не подумал.

– Спрашивать нужно сначала! – Хочешь предаваться столь странному занятию – флаг тебе в руки, я б тебе другой журнал дала, который не жалко. Этот мне, вообще-то, отдать нужно было...

– Я думал, он тебе не нужен... – Он нахально ухмыльнулся, нарочно не выказывая ни малейших признаков сожаления или раскаяния. – Валяется здесь с сентября...

– Мне – нет, но это не мой журнал... – ответила она, чувствуя, что против воли в голосе звучат усталость и раздражение, даже злость. – Ну ты, Глеб, даёшь!

Она не удержалась, с досадой хлопнула испорченным журналом по столу, и вышла из комнаты.

Может она и не на него так сильно разозлилась, просто – под руку попался, но Глебу было до лампочки. Давайте, езжайте к своим итальяшкам, к этим дурацким макаронникам в идиотских сиреневых галстуках и розовых рубашках. А он спать пойдёт.

...Раскрытый альбом так и остался лежать на столе. С его страницы грустными, полными слёз глазами глядела на этот мир Богородица, нежно обнимающая младенца Христа...

Часть третья. Глебово лето

Клязьма-река

– Как я здесь очутился? Ума не приложу.

Прям как в телесериале... В детдоме по вечерам телевизор включали – до тошноты их насмотрелся. В сериалах этих вечно кто-нибудь память терял. Раз – и ничего не помнит: граф он, иль, к примеру, посудомойщик... Как его имя-фамилия – тоже без понятия.

Амнезия, так это называется.

Может и со мной такая же история?

Не, ну я же помню, кто я. Глеб Рублёв, нахимовец.

«У моряка один путь – славный!». Во, это тоже помню. И кто сказал – помню! А Нахимов и сказал, на стенке в училище висел во-от такой плакатище...

Значит, частичная амнезия. А может и не она вовсе.

А всё-таки не помню, как я сюда попал, хоть убей. С Тоней повздорил – помню, спать улёгся в поганом настроении – не забыл, забудешь тут, полночи в потолок глазел...

В ванную пошёл, умыться хотел... А дальше – будто с обрыва ухнул. В туман – густой, белый. Как в облако...

И странно-то как – тут лето, солнце! А с вечера вроде октябрь был, слякоть на улице, дождь за окном... Не сон ли всё это?

Коротко остриженный мальчик лет двенадцати на вид, в трениках и линялой футболке, не без оснований полагавший себя Глебом Рублёвым, крепко потёр щёки и лоб ладонями, взъерошил русые волосы на круглой, коротко остриженной голове.

Проснуться не удалось. По-прежнему его окружал знакомый – в общем-то только по фильмам и сказкам – типичный среднерусский пейзаж.

Васильковое небо, утекающая вдаль тихая извилистая река, пестреющее стадо на зелёном лугу. Серебристые прибрежные ивняки и дальние, светлые, пронизанные солнцем берёзовые рощи.

Огороды, рубленые избы, выше – земляной вал и деревянные укрепления на нём, а сверху, над всем этим – пятиглавый белокаменный собор на высоком речном берегу. И тишина... Даже собаки не лают.

Только гуси гогочут, крыльями хлопают – им одним, похоже, в этих краях днём не спится.

Первым делом он осмотрелся, нет ли кого из людей поблизости – спросить, что за местность, далеко ли до Питера, да и число сегодняшнее разузнать неплохо бы, а то – сомнения возникли...

Прошёлся туда-сюда. Вокруг – как вымерло всё! Только солнце палило вовсю, да огорожи отбрасывали короткие, словно высохшие от жары, тени. Под ногами – горячая дорожная пыль. Пахло полыню, навозом, и, кажется, свежей стружкой...

Он остановился, тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб. Лизнул зачем-то руку. Пот был настоящий. Солёный. И вообще – пить хотелось.

Да не, какой сон! Всё в реале.

«Но если теперь лето, – испугался он, – тогда я, выходит, с прошлой осени болтаюсь незнамо где? И меня не ищет никто? Или...»

Он помрачнел, и додумал с горечью: «Или поискали, да не нашли. Поплакали, да и рукой махнули...»

Что это? Хнычет кто?

Глеб огляделся. Вроде никого.

Прислушался.

Откуда-то из подзаборных крапивных зарослей – писк. Подошёл поближе. Девчонка лет шести-восьми – растрёпанная, зарёванная – в крапиве по самое горло стоит. Глаза вытаращила – как в японских мультяшках, огромные. Шею кверху вытянула, замерла, шевельнуться боится.

Он моргнул. Вот бедолага.

Ага, а через пыльную дорогу, наискосок – гуси идут. Крупные такие, гогочут, шеи тянут, крыльями взмахивают. И гусята с ними. Мелкие совсем, пушком покрыты, семят смешно, враскорячку. Ну, ясно! Уходят уже. Дело сделали, девку малую в крапиву загнали. Ы-ых!

Глеб поморщился, опять оглянулся. Крапива у забора – высоченная. Девчонке до горла, ну и ему – по грудь. И – никого. Ни детей тебе, ни взрослых поблизости. Ну не бросать же малявку. У них в детдоме, во всяком случае, так не принято было.

Взял хворостину, стал стебли сбивать. Тут только сообразил, что босой. В сердцах отшвырнул палку, развернулся и вломился в крапивные заросли спиной вперёд. Девчонка обхватила его за плечи ручонками, он её на спину посадил, и – бегом оттуда! Хорошо, не тяжёлая попалась.

Ух! Обожгло так обожгло. Ноги мигом волдырями покрылись.

Девчонка легко со спины соскользнула, встала рядом – лицо зарёванное...

Заревёшь тут! У самого слёзы выступили, такая жгучая эта зараза.

– Привет! – улыбнулся он девчонке.

Стоит, смотрит. Не красавица, глаза разного цвета, и один косит немного. Зато лицо – доброе. И того, наивное слегка...

Вытерла слёзы, улыбнулась.

– Привет, – сказал он ещё раз, яростно расчёсывая покрасневшие щиколотки. И – представился. По всем правилам этикета, ага.

А девка – ни гу-гу, только мокрыми слипшимися ресницами хлопает.

– Тебя как звать-то?

Молчит. Застенчивая какая. Или... Немая, что ли? Мычит чего-то, испуганно пальцем ему куда-то за спину тычет.

Обернулся. Гуси???

– За мной! – скомандовал Глеб, ухватил девчонку за руку, и – припустили со всех ног. Вниз, к речке побежали. Не в крапиву же обратно лезть.

Никакие гуси, ясно дело, такого спринтерского рывка не выдержали бы. А, может, и вообще догонять не собирались, кто их разберёт... Но уж лучше, как говорится – от греха подальше! Рублёв ведь с нравами сельской живности знаком не слишком. На своём Ямале он даже обыкновенных куриц только в супе и видел...

...Стянув с себя треники и футболку, он стоял на песчаном берегу, расставив ноги, уверенно расправив плечи, уперев кулаки в бледные бока. Это нынешним летом был ого-го какой загорелый, Тоня всё повторяла – «ты у меня чернющий прямо», а к октябрю – сошёл загар, как и не было...

Коренастый, немного косолапый – для какого-нибудь балета может и плохо, а для футбола – очень даже хорошо. И для плавания – годится.

Вот мы сейчас и поплаваем! Красота! Ещё бы знать, как эта речка называется...

Глеб деловито щёлкнул широкой красной резинкой трикотажных плавков с самолётами-истребителями, и тут же покраснел, поймав восхищённый девчонкин взгляд. Вот деревня! На плавки уставилась. Трусов с самолётами не видала, что ли!

Он смутился, отвернулся, торопливо зашлёпал ногами по воде, забежав по колено, вернулся, раскинул руки, и с размаху плюхнулся на спину, подняв целый фонтан прохладных желтоватых брызг.

Она тоже зашла в воду. Какой там купальник! Сарафан, или что там у неё – стянула, и прям в длинной рубашонке в речку полезла.

Потом они брызгались. Сначала Глеб брызнул – легонько, издалека. Попал. Она даже не закрылась рукой, только заморгала испуганно. Он улыбнулся, наддал ещё. Через секунду они уже молотили ладонями по воде, щурясь и захлёбываясь от смеха. Наконец, нахохотавшись, и досыта нахлебавшись тёплой, чуть тинистой воды, Глеб первым запросил пощады.

– Ну всё, всё. Хватит! Ну, хорош уже! – он задрал кверху ладони, показывая, что сдаётся. – Погоди, на тот берег сплываю!

Он перевёл дух, и с серьёзным выражением лица бросился в воду. Поднырнул, поплыл под водой – долго-долго.

Вынырнул на самой глубине, пошёл к противоположному берегу короткими, энергичными саженками. Но скоро устал, до того берега плыть передумал, и, перевернувшись на спину, отдался медленному плавному движению реки. Лениво пошевеливая ногами, подгребал только слегка, и глядя прямо вверх, в неяркую прозрачную синь тёплого летнего неба, вдыхал тинистый запах речной воды...

А всё-таки хорошо, что лето...

Наконец, фыркая и отплёвываясь, он выбрался на берег. Трусцой припустил обратно, к тому месту, где осталась на берегу девчонка, и где валялись его треники и футболка. По дороге скис немного: возвращаться оказалось нудно и долго.

Девчонку он заметил ещё издали – на неё и ориентировался – зашла в воду и стоит неподвижно, столбиком. Как суслик, честное слово.

Подожёл поближе. Она всё так же стояла по колено воде, замерев и напряжённо всматривалась вдаль, сжав голову ладонями. Нелепо и как-то горестно торчали в стороны острые локти.

Глеб окликнул девчонку издали. Она не обернулась. Фу-ты! Она ж не слышит!

Глеб подошёл к ней сзади, осторожно дотронулся до худого плеча. Девочка вздрогнула, повернула к нему заплаканное лицо. Разулыбалась, радостно всхлипывая, размазала по мокрым щекам слёзы.

– Ты чего ревёшь-то, глупая? – не понял Глеб.

Мыча и как-то мучительно кривя лицо, она стала энергично размахивать руками в сторону реки. Рублёв смотрел то на эту пантомиму, то на реку, силясь уразуметь, в чём же дело.

– Решила, что я утонул, что ли? – догадался он наконец. – Да ты чего? Я плаваю отлично!!! Я ж нахимовец! Мне – в море служить. – Девчонка смотрела на него, преданно улыбаясь, но явно не понимала, о чём он толкует. – Не понимаешь? Эх... Ну как с тобой такой разговаривать-то! – Поди и не знаешь, что такое море! Ну хоть по телеку-то видела? Или нет?

Глеб даже засомневался, видела ли она телек вообще, уж больно вид у неё был отсталый. Нет, не то чтобы глуповатый, а... Ну, словом, несовременный был вид.

– Море, знаешь, это... Это прорва воды, не то что в реке. И другого берега не видать. И солёная в нём вода, прям солонущая. Я тоже один раз только на юг, на море-то ездил. А в Петербурге – ну там тоже море, конечно, да только... А, да что я тебе рассказываю, всё равно не понимаешь! Или понимаешь? Про Петербург-то слышала, нет?

Девчонка смотрела на него, не мигая. Не похоже было, что она сильна в географии. А может просто от того, что не слышит...

– А про Москву?

Девчонка закивала. О, стало быть, что-то всё же слышит. Или того, по губам понимает. А может так... разговор поддержать мычит...

– Ну а Петербург знаешь? Город такой на Неве. А? Мне туда вроде нужно...

Девчонка морщила лицо, всем своим видом выражая глухое недоумение.

– Ну-у, темнота! – добродушно подытожил Глеб. – Ладно хоть про Москву знаешь! – улыбнулся, снисходительно похлопал её по плечу.

Куда ж это я попал-то. Эх, жалко немая девка-то, не расспросишь ни о чём. Гадство... Ни телефона, ни денег, ни еды... Он провёл рукой по пустому животу – после купания есть захотелось просто зверски. Огород что-ли какой навестить?

– Где бы еды достать? – Он показал девчонке, будто засовывает что-то в рот, а потом усиленно стал делать вид, что жуёт. Тьфу, чуть слюной не захлебнулся...

Девчонка сразу поняла. Закивала. Сделалась деловитой. Схватила его за руку, за собой в горку потащила. Глеб думал – в дом к себе пригласит, ну если не в дом, то хотя бы еды ему немного за ворота вынесет. Живёт же она тут где-то...

А она привела его не в дом, а напрямик к тому высокому пятиглавому храму.

Уж потом он узнал, что этот храм тут много веков стоит. И называется – Владимирский храм Успения Пресвятой Богородицы. И вообще – это не деревня никакая, а город Владимир. Такой просто он в древности был – деревянный. Только храмы кое-где стояли каменные... и ещё эти, ворота Золотые. Они тоже не золотые так-то, ну и не деревянные – каменные...

И никакой ограды тогда толком вокруг Владимира не было, и вал земляной разрушен. Рассказали ему местные – потом, конечно, – что сгорела не так давно городская «гряда»: ордынцы сожгли во время последнего набега.

Ещё вокруг города – посад. Это то, что обычно сразу за городской стеной располагается. Там он первого здешнего человека и встретил. По имени Акси́нья. В крапиве нашёл, ага. Остальные в полдень здесь дрыхнут. Отдыхают, в смысле. Обычай у них такой.

А речка... Хорошая здесь речка, красивая, и песочек на берегу. Глеб её сразу полюбил. И протяжное название этой речки ему по душе пришлось – Кля-я-азьма.

Артель

В тот, самый первый его день на владимирской земле, немая девчонка привела Глеба прямиком к собору.

Двери в храм были открыты настежь, и внутри было бело, прохладно и пусто. И пахло оттуда не ладаном и горелым воском, или чем там ещё сладковато и приторно пахнет в храме. Нет, из него ремонтом пахло...

Чуть поодаль от входа – на примятой, выгоревшей на солнце траве – высились сколоченные из дерева козлы, обляпанные белым. Кудлатый жилистый парень в одних холщовых портах, подвязанных бечёвкой, расставив ноги циркулем, мешал что-то в большом деревянном корыте – какое-то белёсое тесто... Известь, что ли?..

В дверях храма появился бородастый серьёзный мужик – большой, лохматый, сутулый, похожий на косолапого медведя. Взглянул в сторону Глеба из-под густых бровей удивлённо, с интересом, но промолчал. Заметив крутившуюся под ногами девчонку, улыбнулся ей ласково.

– О, Аксютка пришла! – Потом зычно крикнул туда, в прохладное, затенённое нутро собора: – Заканчивай, артельные, полдневать пора!

Вышли ещё мужики. Не спеша, обстоятельно умылись у кадки с водой, поливая друг друга из деревянного ковшика, и уселись перекусить – в тени, вокруг расстеленной прямо на земле льняной тряпицы.

Девчонка придвинулась к ним поближе. Тихонько присела на корточки, просительно глядя снизу вверх в жующие лица мужиков и рукой показывая себе на рот.

– Дай-ко, Дёма, Аксютке аржанухи, – молвил тот бородастый.

Жилистый кудлатый Дёма, тот самый, что ещё недавно мешал что-то в корыте, протянул девочке краюху мягкого ржаного хлеба.

Та схватила, обрадованно закивала головой, и побежала к Глебу. Он уж думал – забыла про него, стоял столбом как дурак, слюни глотал, не знал, что дальше делать.

Довольно улыбаясь, девчонка вручила ему горбушку. Глеб смутился, но взял, разломил пополам, половинку быстро пихнул в рот. Вторую – вернул девочке. Опомнившись, с набитым ртом, промычал спасибо. Словно и сам – глухонемой.

– Гляди-ко. Суженого, что ль, себе нашла? – хмыкнул Дёма.

Мужики заулыбались в бороды. Не все, правда. Некоторые продолжали серьёзно жевать, не глядя по сторонам.

Тот, бородастый, похожий на медведя, дядька поманил Глеба пальцем: – Как звать? Чей будешь?

– Глеб. Глеб Рублёв я.

– Рублёв? – удивился мужик и его кустистые, цвета перепрелой соломы брови поползли вверх. – Слышь, Ондрей, Рублёв он! Коли не врёт... – Светлобородый, с мягким и мечтательным выражением лица Ондрей, словно очнувшись от каких-то своих мыслей, посмотрел на Глеба дружелюбно, без удивления. Кивнул спокойно, и тут же будто опять отрешился от происходящего, глядя куда-то в пространство.

– А отец с матерью где? – продолжал выпрашивать дядька.

Глеб помедлил. Он подумал про Тоню. Сказать, не сказать?.. Знать бы, где сейчас она... Внутри у него что-то тоскливо сжалось. Он нахмурился. Кусая губы и чувствуя, что совершает маленькое предательство, уронил, будто камень в колодец:

– Нет у меня никого. – И опустил голову, чувствуя себя как-то муторно, – то ли от голода, то ли всё-таки от стыда. – Поесть бы мне. Я отработаю...

Мужики переглянулись. Тот, что расспрашивал, поглядел испытующе.

– Отработаешь! Хм... – мужик замолчал и принялся жёлтым ногтем большого пальца стал в раздумье скрести свою мохнатую бровь. – А давай! – хлопнул он по колену здоровенной ладонью, – поглядим, на что ты годеи, мож и возьмём. Нам теперь новый помощник нужен. – И добавил, обращаясь к кому-то из артельных: – Ушёл Кондрат-то.

– Как так ушёл? – спохватился тот, что молча и сосредоточенно жевал, глядя прямо перед собой.

– Да так, видишь, нету. Не дождался, когда начнём. Решил, что сам давно – мастер.. В Крутово подался. Позвали, мол, его – Благовещенскую церковь там отделать надобно. А то – не вмоготу, мол, столько без дела сидеть. Ушёл. Просил лихом не поминать.

– Ну-ну, скатертью дорога, – обронил молчаливый, положил в рот кусок и зажевал с прежним усердием.

Все замолчали.

– Оставайся, – заключил похожий на медведя мужик. Глянул на Глеба насмешливо из-под лохматых бровей, подмигнул заговорщически: – Может, когда и толк из тебя выйдет, Глеб Рублёв.

Разговаривали здешние чудно. Вроде и по-русски, но как-то странно.

Глеб, к своему удивлению, всё понимал, и легко применился говорить по-здешнему – протяжно окая, чувствуя, что нужные, прежде вроде незнакомые слова, сами собой приходят на ум.

Поначалу он, правда, слегка недоумевал. Казалось, будто люди нарочно придуриваются. Ну, юмор у них такой. Специфический.

Он всё вспоминал фильм – смешной, давно, тоже ещё в детдоме видел. Про машину времени. Про то как она сработала и царь Иван Грозный в настоящем очутился. И тут же типа одного встретил, который, ясное дело, не понимал, что перед ним царь, а не сумасшедший. Испугался этот тип, давай юлить, повторять невпопад всякое, якобы по-древнерусски. «Аз есмь», «акипаки», «иже херувимы» какие-то... Они хохотали! До насморка, до колик в животе! Ну, одно слово – комедия.

Дуралей этот сильно был похож на директора их детского дома. Прямо, вылитый. Вот и приклеилось. Стали директора Акипаки называть. За глаза, конечно...

Глеб тогда и не понимал, что это значит. Думал одно такое смешное слово. Тут уже разобрался, что два. И к тому же, не «аки-паки» никакие, а «паки и паки». И значит это – снова, вновь и вновь...

...Там в кино-то – виной всему была машина времени. И через неё можно было обратно в настоящее попасть. А тут он без всякой машины в прошлом очутился. С ума сойти можно!

Правда, по ощущениям, это пребывание в прошлом очень походило на некоторые его прежние сны. На те, непохожие на обыкновенные, особые, яркие сны, что снились ему лишь изредка. Но запоминались надолго, и помнились отчётливо, вот будто наяву всё было.

Один раз замок видел каменный, рыцарей на конях, а как-то – смуглых кудрявых людей в белых туниках и венках, они чего-то там несли. Вроде как шествие какое. А он за колонну прятался – вся в продольных желобках, горячая от полуденного солнца...

Сны такие начались где-то через год после того, как Тоня в его жизни появилась. Да, точно, как раз после того, как ему десять исполнилось. Он про них всегда Тоне рассказывал. Она удивлялась. «Надо же, – говорила, – художник у меня под боком растёт, не иначе...»

И что интересно. Каждый раз ему в конце такого сна казалось, что Тоня его потеряла. Что зовёт она его, ищет...

Наверное, поэтому он, в конце-концов, в своей постели просыпался. Всегда.

Только вот теперь – проснуться не удавалось.

А может, и не хотелось ему особо просыпаться-то... Почему? А кто знает, что теперь могло ждать его там, в будущем. Сколько дней или даже месяцев прошло, тоже непонятно было. Тоня, поди, давно укатила в Италию, вышла замуж за этого своего Франческо... Детей может, уже завела – своих детей, не приёмных.

И из училища его наверняка отчислили – раз он столько времени на занятия не являлся, без уважительной-то причины. Там с этим строго...

В царстве красок

Невысокие глиняные горшки стояли, щетинясь, словно ежи, торчащими из них кистями – малыми, средними и большими, круглыми и плоскими, широкими и узкими. И совсем тонкими, острыми, для росписи золотом, с надетыми на них «саночками» – трубочками из утиных перьев...

Каменные краскотёрки. Узкогорлые бутылки и пузатые корчаги. Рыбий клей. Льняное масло. Олифа. Столярный инструмент. Липовые доски. Свёртки ткани-павлоки². Большие, в четыре аршина, доски для соборного иконостаса, оклеенные ею, или уже покрытые поверх паволоки сияющим белизной гладким грунтом-левкасом³. Яичная скорлупа. Гусиные перья, чтоб смахивать пыль. Медвежий зуб, чтоб полировать позолоту.

И краски, краски, краски!

Дементий уверенно, по-хозяйски раскрывал лубяные коробки и коробейки, где лежали уже растёртые в порошок краски, и объявлял Глебу их названия.

Глеб слушал. Дёма хоть и противный был, и рассказывал будто бы неохотно, с ленцой, – выпендривался, словом, – но про краски знал и понимал много.

И Глеб запоминал, как мог. Про санкирь, которой пишут лики, и которую составляют из множества разных красочных порошков (потому, говорит Дёма, и не доверяет Андрей это никому, сам смешивает...). Про серую рефть – для седых волос и облаков. Про ядовитую ртутную киноварь – звонкая, яркая, цветом алая, как кровь, ею одежды пишут, надписи на иконах, а ещё – под червонное золото кладут... Про скопскую чернь – думал чёрная, оказалось – вовсе красная. Про красно-коричневатый багор, или византийский пурпур, составленный из нескольких красок – этот для одежд, у Богородицы мафорий им разделявают. Про чёрные сажи. Про белила – какие от уксуса потом желтеют, а какие – нет.

– Туту земли, – наставительно тыкал своим длинным пальцем Дёма. – Ондрей их боле других любит. Стойкие потому.

Стойкие земли??? Это ещё что такое?

Глеб глядел на раскрытые коробки с красками, похожими – одна на горчичный порошок, другая на молотый кофе, третья на стёртый в пудру жгучий красный перец. Коричневые, зеленые, темно-жёлтые... не сильно они ему «землю» напоминали... Однако оказалось, эти краски правда прямо под ногами находят. Найдут нужную цветную землю, сушат её, потом измельчают.

Возни с этим много: сотрут в порошок, а потом ещё просеивают, отмучивают, прокаливают... Вот ещё – отмучивают! Смешно и непонятно. Выяснилось – порошок кладёшь в воду, взбалтываешь, и сор всякий, всё ненужное, что вверх поднялось – вместе с водой сливаешь...

Ух, химичат они тут! Со страшной силой химичат.

Кстати, самые красивые из земель – охры. Весёлые такие. Жёлтая, темно-жёлтая, золотистая «грецкая»... Глебу они особенно приглянулись, тем более, что он про охру ещё от Тони слышал. Только вот так, в порошке, – не видал.

А ещё удивила – ляпис-лазурь. Густой, насыщенной, глубокой синевы краска – такой краской, верно, кроют небеса.

² Паволока – ткань, которую наклеивают на иконную доску перед наложением грунта-левкаса, для лучшего сцепления его с поверхностью доски.

³ Левкас (греч. λευκός белый, светлый, ясный) – в иконописи – меловой грунта, размешанный на животном или рыбьем клее с добавлением льняного масла. После высыхания шлифуется. В Древней Руси левкас шлифовался стеблями хвоща; современные иконописцы используют для этой цели наждачную бумагу.

– Дорого стоит, ох, дорого! – заметил Дёма. – На вес золота, а поди и дороже... А ты думал? – поймал Дементий удивлённый Глебов взгляд. – Из бадахшанского лазурита, редкостный камень. Из-за моря везут, с востока. – Он прикрыл узорчатую крышечку из луба, и заключил важно. – Туто – целое состояние, в коробьях этих! – глаза у Дёмы блеснули.

«А ещё ведь в них, в этих лубяных коробейках, – красота лежит», – подумал Глеб. Он вспомнил сияющие нетронутой белизной стены собора, готовые впитать, вобрать в себя все эти краски, и робко спросил Дёму:

– А когда собор расписывать начнут?

– Когда Ондрей скажет, – нахмуясь, кратко ответил тот.

Отец Варсонофий теряет аппетит

Посреди чисто выметенного, просторного владычного двора, стоял отец Варсонофий. С кислым лицом стоял. Издалека углядев тучную фигуру ключника в долгополой рясе, служки пугливо спотыкались; пробегая мимо жались к стенкам. Невысокий, оплывший, рано полысевший Варсонофий, несмотря на неказистую внешность, наводил трепет на здешнюю братию. А ныне – и уж который день – был он особенно не в духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.